

СОЦИОЛИНГВИСТИКА В НАЧАЛЕ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ: ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И ТРУДНОСТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ РОССИИ)¹

В истории языкознания XX в. был длительный период, в течение которого язык исследовался при игнорировании социально-исторической обстановки, хотя связь с историей и некоторыми другими науками полностью никогда не прерывалась. В середине 1930-х годов лингвисты заговорили о необходимости в ряде случаев учитывать в лингвистической работе данные смежных наук, в частности социологии. На IV Международном конгрессе лингвистов в Копенгагене (1936) в рамках языкознания зародилась в качестве отдельной дисциплины социолингвистика, со временем включившая в себя и этнолингвистику. С тех пор интерес к социолингвистике то возрастал, то угасал, почти сходя на нет, то снова привлекал к себе общее внимание, как это произошло в конце II тысячелетия. Пик интереса к проблемам социолингвистики пришелся на границу тысячелетий не случайно: это связано с провозглашением десятилетия 1994–2004 гг. десятилетием коренных народов мира (резолюция принята на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 1993 г.). Более того, 2001 г. объявлен годом исчезающих языков. Очевидно, что в такой ситуации должна произойти переориентация социолингвистов; наряду с прежними (отходящими на второй план) задачами, связанными во многом с анализом функционирования языка разных социальных групп, появляются новые задачи или заметно трансформируются старые. Новые задачи вызваны спецификой вымирающих языков

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда Института «Открытое общество». Грант № 1567 / 801 / 1998.

малочисленных народов с их самобытной культурой и особым миропониманием, не учитывать которые нельзя.

В качестве примера деятельности социолингвистов в XX в. можно привести предпринятые ими попытки стандартизировать бесписьменные и младописьменные уральские языки в России. Если при создании стандартного (литературного) языка говорят о кодификации языка, о сознательном культивировании литературной нормы, то для диалектов характерна норма, вырабатываемая веками, но не культивируемая специально через школу, средства массовой информации и литературу. Так, в селькупском языке существуют южные и северные диалекты со своими наборами диалектных черт. В основу создания письменностей (но не литературных языков!) положены соответственно разные диалекты, причем для северных селькупов письменность осуществлена в настоящее время на базе раттовского говора, особенности которого воспринимаются с трудом селькупам из Туруханского района, плохо владеющими языком, что мешает обучать детей в школе их родному языку. Хантыйский язык (о попытках создания для него единого литературного языка велось много споров) также имеет сейчас несколько письменностей по числу сохранившихся диалектов (казымского, обдорского, шурышкарского). В силу тех или иных причин (географическое положение, экономика района и т. д.) определенный диалект в дальнейшем может стать базовым для создания литературного языка, и тогда некоторые черты диалекта, становящегося основой стандартного, общего для всех диалектов языка, будут культивироваться как нормативные. Но пока этого нет. На попытки создать единый литературный язык для ханты ушло почти 70 лет. За этот период языковеды-полевики обнаружили, что многие языки малочисленных народов находятся на грани исчезновения, в других языках происходит все возрастающая русификация. С учетом этих тенденций в развитии финно-угорских и самодийских языков на территории России и процессов, иногда уже необратимых, и следует говорить о тех задачах, которые должно решать финно-угроведение вкупе с социолингвистикой в наступившем XXI в.

1. Для всех районов распространения уральских языков необходимо **сделать описание языковой ситуации по единому плану, усовершенствовать анкеты**, составить «социолингвистические профили», приняв во внимание статусы языка, процент носителей языка, функции, тип языка и т. п. (Белл, 1980). Одновременно следует учитывать специфику языковой ситуации у малочисленных этносов по сравнению с таковой у титульных народов. При анкетировании социолингвист особое внимание должен обратить на вопрос о том, какой смысл вкладывается в понятие «владение языком». Очевидно, что владение языком должно предполагать умение говорящего перефразировать любую фразу, различать полисемию и омонимию, подбирать синонимы, интуитивно чувствовать норму языка, иначе говоря, владеть грамматикой и словарем. Но не менее важно, чтобы носитель языка отдавал себе отчет в том, допустимо или нет то или иное высказывание в определенной социальной среде, обладал бы, следовательно, языковой компетенцией. Необходимо учитывать поведение анкетлируемого в социально неоднородной среде, которое может свидетельствовать об отношении говорящего к родному языку как к «тайному» (если в присутствии не говорящего на данном языке абориген пользуется родным языком, возможно, он хочет скрыть какую-то информацию) или как к родному языку, хорошо ему известному (хотя на деле носитель говорит неправильно, пользуясь одними корнями, что часто делают селькупы когорты 1980–1983 гг. в селе Фарково Туруханского района Красноярского края, желая «пустить пыль в глаза», в отличие от действительно знающих свой язык представителей старшего поколения когорты 1930–1950-х годов).

2. В многоязычном обществе, каковым является Россия, социально-коммуникативную систему образуют разные языки, между которыми распределяются разные коммуникативные функции. Отсюда вытекают **проблемы языковой политики, диглоссии, билингвизма, переключения кодов** и т. п., особенно остро стоящие в той сельской местности, где проживают представители миноритарных этносов. Диглоссия, под которой понимается

такое функциональное распределение (негласно узаконенное) двух разных языков, когда один из них используется только в семье и среди друзей при бытовом общении, другой — только в официальной сфере и как государственный язык, может возникать в условиях двуязычия при наличии у одного из народов давних традиций литературного (стандартного) языка. Подобное функциональное распределение характерно для носителей бесписьменных и малописьменных языков, которые в многоязычной России в качестве государственного языка используют русский, а языком бытового общения выбирают родной язык. (В подобном положении когда-то существовал финский язык по отношению к шведскому, венгерский и эстонский — по отношению к немецкому.) Языки финно-угорских республик в России имеют официально по два государственных (титულных) языка, что сразу вызывает вопрос о том, как и по каким сферам распределяются русский и национальный языки, а внутри национальных до сих пор неоднозначно решены (за исключением удмуртского языка) вопросы наличия одного или двух литературных языков (особенно остро эта проблема стоит для марийского и пермяцкого языков). Отсюда возникает новая задача, касающаяся распределения функций между одновременно существующими двумя литературными языками. В целом надо признать, что прежняя языковая политика увенчалась одним результатом — русификацией. Задача социолингвистов XXI в. — дать рекомендации политикам, в каком направлении менять языковую политику.

3. Для сохранения исчезающих и разрушающихся языков (насколько это еще возможно) необходимо срочное решение **задачи максимально полного сбора материалов разного типа: диалогов, фольклорных произведений, отраслевой лексики, бытовых рассказов, песен и т.д.** Записанные материалы желательно издавать, параллельно **создавая компьютерную (текстовую и словарную) базу данных** для всех финно-угорских и самодийских языков. Необходимо **собрать фонотеку для каждого языка.** Уже сейчас для многих языков трудно найти носителя, на произношении которого не сказалось бы влияние русского

языка, поскольку фонетическая интерференция везде исключительно сильна. В области грамматики следует **обратить внимание** на порядок исчезновения в родном языке отдельных частей речи, установления того, **какие части речи оказываются наиболее уязвимыми в языке**, какие категории быстрее разрушаются и под влиянием каких факторов. Пользуясь полученными сведениями, можно пытаться приостановить процесс разрушения языка, **выработать новую методику преподавания языка**, начиная со школы или даже детского сада, ибо во многих ареалах дети приходят в школу, уже не владея родным языком. Желательно также учесть как удачный, так и печальный опыт миссионерского обучения языкам в России (работу Н. И. Ильминского в Казани, И. С. Шемановского в Обдорске, нынешнем Салехарде, и др.), опыт «языкового строительства» первой трети XX в.

4. В ближайшее время должна окончательно оформиться дисциплина, получившая в конце XX в. наименование **визуальная антропология**. Социолингвистический анализ включает в свой состав изучение не только речевой, но и неречевой коммуникации. Различие и сходство невербальной коммуникации, обычно сопровождающей речевую коммуникацию, становятся очевидными при сопоставлении языковых и этикетных норм у разных народов (ср., например, неписанные правила прихода в гости у ненцев; различные формы обращения, приветствия, прощания в разных языках уральской семьи, употребление форм вежливости в коми, селькупском, хантыйском и венгерском языках; этикетные нормы у ханты и манси и т. д.). Сфера коммуникативной компетенции у малочисленных народов уральской языковой семьи плохо изучена. Своими корнями правила «хорошего тона» у самодийцев и финно-угров уходят в далекое прошлое. Часто они могут быть объяснены древним табуированием, спецификой национального мировосприятия, особенностями родовой (фратриальной) организации общества и т. д. У разных народов **язык жестов**, который выполняет различную смысловую нагрузку, можно и должно фиксировать на кино- и фотопленку. При сборе фольклорного материала следует

учитывать, например, что исполнение эпических произведений у нганасан, ненцев и других народов требует вполне определенных жестов; не случайно шаманское камлание описывают как театр жестов или шаманскую пантомиму. Не менее важно запечатлеть на видеопленке поведение человека в коммуникативном пространстве, показать, на каком расстоянии находятся говорящие друг от друга, какие правила соблюдает женщина, идущая куда-то с мужем (у селькупов, например, — на несколько шагов сзади), с какой стороны от входа сидят женщины и мужчины в чуме, за столом в доме и т. д. Жесты приветствия, прощания, знаки солидарности и уважения, изучаемые кинесикой (язык жестов), правила поведения людей в пространстве (проксемика), выражения лица, язык глаз (окулесика), язык прикосновений, тактильная коммуникация (гаптика), позы человека, его телодвижения и т. п. — все это может и должно быть заснято на пленку. Аудиовидеозапись поможет обнаружить сходства и различия в неречевой коммуникации разных народов и установить корреляцию невербальной речи и живого разговорного языка.

5. Некоторый интерес должны представлять **задачи исторической социолингвистики**. К ним относятся попытки разыскать существовавшие в тот или иной исторический период в каком-то районе пиджины, диаспоры, тайные языки и проверить, нет ли в настоящее время подобных языковых образований. Так, на Таймыре, по уверениям стариков, когда-то была создана на русской лексической основе «говорка» (собрана Г. Н. Грачевой, но до сих пор не издана), которой пользовались в свое время русские, нганасаны, долганы (Хелимский, 1994). На территории России встречаются языковые финно-угорские диаспоры в русскоязычных районах: языковая ситуация у «корлаков» — яркий пример карельской диаспоры под Омском, где карельский язык претерпел существенные изменения под влиянием русского языка, в результате чего возник новый идиом (Злобина, 1971) (ср. водскую диаспору, которая просуществовала более 300 лет в окружении латышскоязычного населения на территории бывшего СССР). Создавались на базе уральских и тайные языки.

Так, был записан тайный «парне-девичий язык» в коми-зырянском языке (Старцев, 1931). Созданная в XIV в. Стефаном Пермским азбука, исчезнув из коми языка, в течение нескольких веков (XV-XVII) употреблялась в пределах Московской Руси как **тайнопись**. Подобные явления образуют **белые пятна на языковой карте** российских уральцев; таких идиомов, видимо, немало в России, и **их необходимо разыскивать и описывать**.

ЛИТЕРАТУРА

Белл Р. Социоллингвистика. М., 1980.

Злобина В. Кто такие корлаки? // Сов. финно-угроведение. 1971. № 2. С. 87-91.

Старцев. Парне-девичий условный язык у коми // Сборник Комиссии по собиранию Словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. II. Б. м., 1931. С. 52.

Хелимский Е. А. Нганасанско-русские языковые связи // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. I. Северный регион. М., 1994. С. 129-137.